

Краткие сообщения

М. Ф. ХАРТАНОВИЧ, С. Ю. ТРОХАЧЕВ (Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ УСТАВА АКАДЕМИИ НАУК 1803 ГОДА

Первые годы XIX в. — важный период в истории организации отечественной академической науки. «Дней Александровых прекрасное начало» было отмечено кратковременным возвратом правительства к политике «просвещенного абсолютизма», своеобразной «оттепелью», что усилило демократические настроения, затронувшие и размеренную жизнь Академии наук.

Какие же проблемы академии требовали разрешения на рубеже XVIII—XIX вв., что было необходимо ученым того времени для плодотворной научной деятельности, какие изменения произошли в академии с введением в 1803 г. нового Устава? Для ответа на поставленные вопросы обратимся к архивным источникам*.

Приход к власти молодого и просвещенного императора Александра I вселил надежды на решительные и разумные реформы в различных сферах культурной жизни России. Академия наук, которая в своей работе придерживалась явно устаревшего Регламента 1747 г., также ожидала перемен. У представителей верхнего эшелона науки появилась реальная возможность напрямую обратиться к представителям власти со своими предложениями по реорганизации академии.

15 декабря 1801 г. академики Н. Я. Озерецковский, С. Е. Гурьев и адъюнкт А. Ф. Севастьянов представили Александру I доклад о положении дел в Академии наук, в котором, в частности, содержались предложения по улучшению ее деятельности. «Когда в природе необыкновенные бывают явления, как например, землетрясения, бури, наводнения, — писали академики, — тогда люди с мольбами своими обыкновенно к творцу оной прибегают; так явно в явлениях, падением и разрушением Академии угрожающих, прибегаем мы к Вашему Императорскому Величеству, моля... принять и рассмотреть наши доказательства, единственно на усердии к отечеству основанные» (цит. по [2, с. 362]). Ученые указали на бедственное положение академии прежде всего в отношении кадров. Они подчеркнули, что за последнее время число академиков сократилось с 19 до 13, поскольку Эйлер и Вовилье скончались, а Буссэ, Ганри, Герман и Румовский выбыли, «к чему и оставшиеся члены стремятся: то есть по старости лет или по неустройству, существующему в Академии» [там же, с. 365].

По выражению автора доклада, академия «истаивает», не имея достойного пополнения из училища при академии. Ученые полагали, что причина кроется в слабом финансировании, академическое училище «находится в худшем состоянии, чем schools of charity** в Англии». Отмечался и тот факт, что ректор училища — иностранец, и ему, следовательно, нет никакого дела до нужд вверенного ему учреждения. Далее Озерецковский, Гурьев и Севастьянов затронули весьма сложную проблему национального состава академии и особо подчеркнули необходимость привлечения в нее исключительно «природных россиян». Однако они не упомянули о том большом вкладе в отечественную науку, который внесли иностранные ученые, посвятив лучшие свои годы российскому образованию***, поскольку считали, «что чужестранные оной (т. е. академии. — М. Х., С. Т.) члены для России совсем бесполезные» [там же, с. 365]. В качестве главного аргумента они выдвинули тезис о том, что иностранные академики пишут не на русском языке, а значит «не России собственно, но тому государству, на языке которого пишут» [там же]. Странность последнего утверждения очевидна, ведь многие научные труды в России и в XVIII и в начале XIX в. писались на латинском языке (на благо какого государства?!).

* В основном это материалы по организации Академии наук, охватывающие период с 1801 по 1855 гг. [1]. Некоторые документы были опубликованы М. И. Сухомлиновым [2, с. 360, 367, 568—582]. Отдельные аспекты интересующей нас темы освещены в [3, т. 1, с. 327; т. 2, с. 14—18].

** Благотворительные школы.

*** Назовем такие имена, как Ж. Н. Делиль, Г. В. Рихман, Л. Эйлер, И. и Д. Бернулли и др.

Для улучшения положения дел в академии Озерецковский, Гурьев и Севастьянов предложили следующее: «1) Чтобы Академия или Собрание оной само избирало себе президента по баллам на каждый год, как водится в других академиях и здешнем экономическом обществе. 2) Чтобы сей избранный президент был токмо наблюдатель порядка... а не распорядитель дел, коими... само Собрание Академии располагало. 3) Чтобы при Академии приказных людей, ныне многочисленную канцелярию составляющих и жалованьем от Академии пользующихся, совсем не было, потому что... в Академии никаких судебных дел не бывает, а экономическими делами сами академики попеременно управлять могут. 4) Чтобы Училище академическое совершенно зависело от Собрания Академии, которое бы приемом в оное как учеников, так и учителей и других чинов непосредственно располагало... и которое бы совершенно... отвечало за все происходящее в Училище. 5) Чтобы Собрание Академии наук могло беспрепятственно требовать и брать из всех, в России существующих, училищ особыми дарованиями отличившихся учеников с их на то согласия. 6) Чтобы приуготовленных в Училище учеников и поучившихся потом у академиков Академия могла отправлять в чужие края. 7) По сие время в Российской Академии наук не токмо труды академиков, но и самые даже записки ее заседаний пишутся на иностранных языках, как будто бы Академия для иностранцев была основана. Очевидная польза требует, чтобы сие отменено было» [там же, с. 366 — 367].

18 марта 1802 г. вышел указ об учреждении Комитета по рассмотрению уставов Академии наук, Российской академии и Московского университета. В состав комитета вошли: сенатор М. Н. Муравьев, попечитель Московского учебного округа, товарищ министра народного просвещения; граф Северин Потоцкий, польский магнат, один из образованнейших людей своего времени; Ф. Г. Браузе, профессор римского права, собиратель русских древностей, и академик Н. И. Фусс. Первостепенной задачей комитета являлось рассмотрение «прилагаемых новых Уставов Академии наук, Российской академии и Московского университета», чтобы, «сообразив их с намерением сих учреждений и с истинным средством расширения пользы их и действия на народное просвещение», сравнить с лучшими в сем роде иностранными заведениями и по сему сравнению сделать надлежащие перемены или дополнения, какие к лучшему их устройству могут быть нужными, представить... на утверждение» [4].

Члены Академии наук приняли активное участие в подготовке академического Устава. Так, почти одновременно (с разницей в один день) на рассмотрение были представлены две докладные записки с предложениями для Устава, авторами которых были президент Академии наук барон А. Л. Николай и академик Н. И. Фусс.

Предложения Николай заключались в следующем: оснащение Физического кабинета и благоустройство Ботанического сада, организация химической лаборатории, постройка новой обсерватории. Он указал на необходимость увеличения и упорядочения коллекций Кунсткамеры, организации научных экспедиций, возобновления работы академического училища и совершенствования издательской деятельности. «Ежели Академия наук по существу своему важнее всякого университета, — писал, в частности, Николай, — то члены ее наименее порабощены быть должны, потому что всякая излишняя власть оскорбляет ученых и самые их упражнения делает им неприятными. Итак, для Академии довольно иметь своим начальником одного только министра, для отправления учебных и экономических дел надобно предоставить ей право ежегодно избирать старейших из своих членов, не давая им имени ни президентов, ни вице-президентов» [1, л. 96 — 97]. Как видим, президент академии в требованиях самостоятельности пошел значительно дальше Озерецковского, Гурьева и Севастьянова, предложив, по сути дела, вовсе упразднить должность, которую он сам в то время занимал, и выдвинув принцип коллегиальности руководства.

Докладная записка Н. И. Фусса датирована 17 января 1803 г. Многие его мысли вполне созвучны идеям Озерецковского, Гурьева и Севастьянова. По мнению Фусса, одна из главных проблем академии — малочисленность ее состава. «Смерть похитила у Академии большинство ее наиболее выдающихся членов. Иные же, освободившись от исследовательской работы, предпочитают более прибыльные виды деятельности, дающие средства к существованию» (цит. по [2, с. 568]). Фусс отметил постоянную нехватку денег для организации и поддержания на должном уровне академических учреждений. Особое внимание уделил оплате труда членов академии. «По Уставу 1747 г., — писал Фусс, — академиком было назначено содержание в 800 рублей с добавлением 60 рублей для оплаты квартиры и дров» [2, с. 570]. При Екатерине II управлявшие академией должностные лица, используя десятую статью Устава, попытались увеличить жалование нескольким академиком до 1000 и 1200 рублей, «но академическая казна не позволила им слишком преуспеть в этом и привести жалованье в соответствие с вздорожанием постоянно растущих жизненных потребностей» [там же]. «У академиков есть теперь только одно признанное преимущество, — с горькой иронией резюмировал Фусс, — прослужив с честью 20 и 30 лет, они получают уже 1000 рублей, а между тем профессора нового университета в Дерпте имеют 2000 рублей, не считая гонораров от студентов» [там же].

Обратим внимание на тезис Фусса о месте иностранных ученых, живущих в России и работающих в Петербургской академии наук. «Патриотизм, ложно понятый отдельными академиками, которые поддерживали идею о том, чтобы впредь Академия пополнялась только за счет местных ученых, и которые противились зачислению на службу любого ученого, рожденного вне России, каковыми бы ни были его заслуги и репутация, — принцип не свободный и не достойный научного сообщества, нигде более не принятый, даже в странах с благоприятными условиями для формирования национальной ученой среды» [2, с. 571]. Такой «патриотизм», по мнению Фусса, привел академию к упадку. Его позиция в этом вопросе резко отличалась от позиции Озерцовского, Гурьева и Севастьянова. Фусс считал, что «волевое» пополнение всякого научного института только отечественными учеными без учета их профессионального уровня не могло бы способствовать процветанию науки. Он выступал не против патриотизма, а против лжепатриотизма, отмечая важность прежде всего научной репутации ученого. Далее Фусс еще раз подчеркнул, что серьезные проблемы географии, астрономии и физики не могут быть решены без поддержки «многих ученых, объединенных в корпорации, работающих сообща», разумеется, национальность ученого не должна принимать во внимание.

Конкретные предложения Фусса по реорганизации Академии наук сводились в основном к принятию проекта нового Устава, подготовленного комитетом, и к утверждению нового штатного расписания с приемлемыми окладами для академиков, ассигнованиями на новые академические учреждения (например, на постройку обсерватории, химической лаборатории, анатомического театра и др.), на организацию научных экспедиций в еще не исследованные районы страны. Оценивая работу комитета, Фусс отметил его недостаточно решительные действия в вопросе о жаловании. По предложению членов комитета, «старым» академиком было назначено 1800 рублей в год, а вновь избранным — только 1200. По мнению Фусса, это означает «некоторым образом унижение для Академии наук, которая выказывает меньшую благосклонность к своим ученым», в то время как профессора Дерптского университета имеют 2000 рублей годового дохода.

Новый Устав, в котором были учтены многие из гоступивших предложений, утвердили 25 июля 1803 г. По этому Уставу на Академию наук возлагались следующие задачи: развивать науки, обогащая их новыми открытиями; «распространять просвещение»; заботиться о практическом применении знаний (§ 1, 2). Более конкретно говорилось о функциях академии как одного из центров разработки вопросов теории науки. Эти функции заключались в поддержке постоянных связей с отечественными университетами, а также с иностранными академиями и научными сообществами (§ 10).

Число академиков увеличилось до 18, при каждом числился один адъюнкт, а при академике по ботанике и минералогии — по два (§ 4). Новый Устав вносил изменения и в порядок выбора академиков и адъюнктов: право выдвижения кандидатов целиком предоставлялось академии, при этом три академика давали научную характеристику претендента. Выборы проводились закрытым голосованием.

Национальный вопрос был решен в духе предложений Озерцовского, Гурьева и Севастьянова: при выдвижении кандидатов отдавать предпочтение русским ученым (§ 23). Пожелание Фусса, таким образом, не было учтено, возможно потому, что раскритиковав лжепатриотизм, он тем не менее не выдвинул в противовес четкого и ясного предложения.

В вопросе о выделении денежных средств произошли значительные изменения. Бюджет академии был увеличен до 120 тысяч рублей в год. Возросло и жалование: президенту назначалось 3000, академиком — по 2200, адъюнктам — по 1000 рублей годового дохода. Воспитанники получили по 400 рублей. Шести почетным членам академии предусматривалась пенсия в размере 300 рублей, а шести членам-корреспондентам — по 200 рублей. [3, т. 2, с. 686].

Несмотря на то, что Устав 1803 г. зафиксировал ряд либеральных положений, царь по-прежнему оказывал заметное влияние на жизнь академии, например, утверждая кандидатуры вновь избранных академиков и регулярно просматривая отчеты академии. И все же благодаря новому Уставу академия освободилась от мелочной опеки чиновничьего аппарата, получила более широкие возможности для исследовательской работы, наконец, существенно было повышено финансирование академии и академических учреждений, число которых увеличилось. Было узаконено финансирование научно-исследовательских экспедиций, принята более демократичная система выборов.

Все благоприятные изменения, зафиксированные в новом Уставе, вряд ли оказались бы возможны, если сами академики не были столь активны в борьбе за улучшение условий своего труда. Даже разногласия по национальному вопросу между Озерцовским, Гурьевым и Севастьяновым, с одной стороны, и Фуссом — с другой, не могли помешать главному — последовательному движению, обеспечивающему условия для свободного развития отечественной науки.

Список литературы

1. ЦГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 8.
2. Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 2. Спб., 1875.
3. История Академии наук: В 2 т. М.; Л., 1958—1964.
4. Полное собрание законов Российской империи: В 55 т. Спб., 1830—1884. Т. 27. № 20187.

Т. В. БОГАТОВА

АЛЕКСАНДР АБРАМОВИЧ ВОСКРЕСЕНСКИЙ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Александр Абрамович Воскресенский вошел в историю химической науки как «дедушка русской химии» — так назвал его Дмитрий Иванович Менделеев, ученик Воскресенского. Ученик не единственный, хотя и самый именитый: кроме него у Александра Абрамовича учились Н. А. Меншуткин, Н. Н. Бекетов, А. Н. Энгельгардт, Н. Н. Соколов, Л. Н. Шишков, П. П. Алексеев, А. Р. Шуляченко, Д. А. Лачинов, М. В. Скобликов, Н. П. Лавров, И. И. Тютчев, Ф. Р. Вреден и другие, которые по праву считаются творцами отечественной химии. Однако история недостаточно внимательно отнеслась к ученому: крупных научно-биографических работ об А. А. Воскресенском до сих пор не создано, его жизнеописание ограничивается только несколькими статьями и крохотной брошюрой, где содержатся лишь более или менее удачные попытки освещения его научной и педагогической деятельности. Вот вкратце ее основные этапы.

1829—1836 гг. — учеба в Главном педагогическом институте (Санкт-Петербург);

1836—1838 гг. — пребывание в Германии: работа в лаборатории Ю. Либиха (Гиссен);

1838 г. — по возвращении из-за границы — назначение адъюнктом Санкт-Петербургского университета по кафедре химии;

1839 г. — защита докторской диссертации на тему «Рассуждение о хинной кислоте и открытом в ней новом теле хиноиле»;

1843 г. — утверждение в должности экстраординарного профессора. В 40-е гг. А. А. Воскресенский получает одно назначение за другим и вскоре начинает читать лекции одновременно в Санкт-Петербургском университете, Главном педагогическом институте, Институте путей сообщения, Пажеском корпусе, Школе гвардейских прапорщиков и юнкеров;

1848 г. — утверждение в должности ординарного профессора;

1861—1863 гг. — пребывание в должности декана физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета;

1863—1866 гг. — пребывание на посту ректора Санкт-Петербургского университета;

1864 г. — избрание членом-корреспондентом Петербургской академии наук;

1867 г. — назначение попечителем Харьковского учебного округа;

1869 г. — выход в отставку;

1880 г., 2 февраля (21 января по ст. ст.) — кончина А. А. Воскресенского.

Однако если основные вехи жизни и деятельности в биографических статьях прослеживаются (в ряде случаев, правда, имеются ошибки), то сведения о детских и юношеских годах А. А. Воскресенского крайне скудны и неточны. Вот, например, как представлены они в наиболее полном биографическом очерке об ученом [1].

«А. А. Воскресенский родился 25 ноября 1809 г. в семье приходского дьякона Авраамия Иванова в г. Торжке Тверской губернии. <...> В 1814 г. умер его отец, незадолго перед тем ставший священником, оставив на руках жены троих малолетних детей (у Александра Абрамовича были брат и сестра). <...> Десяти лет он вместе с братом был принят в... духовное училище на "казенный" счет. По окончании училища был переведен в Тверскую духовную семинарию» [1, с. 214].

Эти краткие сведения вызывают больше вопросов, нежели дают ответов. Например, почему отец — Иванов (да и Иванов ли?), а сын — Воскресенский? Как звали мать? Какого происхождения родители? Какова судьба брата и сестры? Где и как учился Александр?..

Поиски в Государственном архиве Тверской области помогли дать ответы на многие из этих вопросов.

Итак, родители. Учитывая, что фамилии детям священников часто давались по названию